
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СЛОВЕСНЫХ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А.К. Базилевская

МАЛАЯ «УЧИТЕЛЬНАЯ» ПРОЗА Л.Н.ТОЛСТОГО

В.Розанов, посетивший Ясную Поляну в 1908 г., направился к Льву Толстому как «всемирному моральному авторитету». А нашел неожиданное: Толстой «не давал впечатления морали, учительства, хотя, конечно, всякий честный человек есть учитель. Я видел перед собою горящего человека <...> о веренице бесконечных вопросов думающего»¹. Толстой в восприятии Розанова отвечает нашему представлению о писателе поздней поры творчества, с его сложностью и многогранностью «морального авторитета» и «учителя жизни».

Как известно, одно из итоговых произведений того времени – «Путь жизни» – открывали слова: «Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать»². В те же 1900-е годы Толстой создает «Круг чтения» с намерением «обобщить мысли многих писателей об истине, жизни и поведении»³, куда помещает ряд художественных произведений, в том числе из своей малой «учительной» прозы («Молитва», «Корней Васильев», «Ягоды», «За что?», «Божеское и человеческое»). За пределами книги остались незавершенные к тому времени тексты, опубликованные посмертно.

¹ Розанов В.В. Поездка в Ясную Поляну // Розанов В.В. Мысли о литературе. – М., 1989. – С. 285–286.

² Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1993. – С. 5.

³ Толстой Л.Н. Круг чтения. – М., 1991. – Т.1–2.

Совмещая в «Круге чтения» прямые высказывания о «должном» с его художественным воплощением, Толстой проявлял доверие к различным способам воздействия на читателя, что, однако, не исключало сомнений. Однажды он произнес: «Проповедь – это соблазн», – и тут же, одобрительно, об И.Е.Репине: «А разве его картины не были целыми проповедями?»¹. Склонности к «соблазнам» писатель не избежал, как, впрочем, и удовлетворения от мысли о невозможности «заставить других жить так, как я считаю хорошим»².

Герой рассказа Толстого «После бала» оспаривает мнение о том, что «человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно»³, и приводит в пример себя, размышляя о «случае» из своей жизни. В «учительных» повествованиях «случай» и сконцентрированная в нем «сила жизни» подчеркивались не однажды, как и влияние их на человека. Но более всего мысль автора «Фальшивого купона» и других текстов сосредотачивалась на представлении об «усилии» – личном усилии человека на «пути жизни»: к постижению ее смысла, к нравственному «устройству» жизни, обретению себя в ней.

Книга «Путь жизни» содержит раздел «Усилие», «Круг чтения» – изречения «на каждый день», к примеру, такие: «Усилие есть необходимое условие нравственного совершенствования», «Истинное благо приобретается не сразу, а постоянными усилиями <...>», «<...> усилие всегда возможно, и благотворные внутренние последствия всегда сопутствуют усилию»⁴. «Усилие» как тема проходит через ряд произведений. В «Посмертных записках старца Федора Кузьмича» движение старца к праведной жизни начинается с низшей точки падения: «Я, величайший преступник, убийца отца, убийца сотен тысяч людей на войнах, которых я был причиной <...>»⁵, герой психологического повествования «Что я видел во сне» напряженно ищет в себе «внутреннего человека»...

В сознании Толстого – «морального авторитета» – контрастно соотносены «усилие» и «насилие». Насилие оказывалось про-

¹ Цит. по: Рюмина М.И. Репин в Ясной Поляне // Яснополянский сборник. – Тула, 1960.

² Толстой Л.Н. Письмо М.М. Молчанову // Неизвестный Толстой: В архивах России и США. – М., 1994. – С. 158.

³ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1964. – Т. 14. – С. 7.

⁴ Толстой Л.Н. Круг чтения. – Т. 1. – С. 409; Т. 2. – С. 10, 175.

⁵ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1964. – Т. 14. – С. 395.

блемой, включавшей множество аспектов, проявлений; ей сопутствовало обличение самого «закона насилия», противного «разуму и любви», «поучительная» идея «непротивления» и одновременно – выражение недоверия ей. Все задевало мысль, беспокоило и тревожило «горячего» человека, каким, действительно, был Толстой.

«Не могу, не могу и не могу. Никто не слушает того, что я кричу, о чем умоляю людей, но все-таки я не перестаю и не перестану обличать, кричать, умолять все об одном же до последней минуты <...>»¹. Это строки не из статьи «Не могу молчать», а из предисловия к одному из вариантов незавершенного рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш». В дневнике Толстого за 1908 год читаем: «Написал очень озлобленное предисловие и негодующее начало»². А вот совсем иные по тону, но с той же болью от бессилия убедить людей в своей правоте – строки из письма «Ответ польской женщине» (1909): «Знаю я, что при теперешнем устройстве мира, основанном на одном насилии, мысль о непротивлении <...> кажется даже не большинству людей, а всем людям <...> нелепой, неприложимой <...>»³.

Не соглашаясь признать «нелепость», «неприложимость» к жизни дорогой ему идеи, Толстой продолжает думать, что «непротивление прекращает зло, поглощая его в себе, нейтрализует его», поэтому ему «очень хочется дописать» повесть «Фальшивый купон»⁴. «Безответный и безобидный, немудреный и улыбающийся»⁵ главный персонаж рассказа «Алеша Горшок» преподнесен читателю как идеал кротости и всепрощения, но при этом не лишен высоко ценимого писателем ощущения радости и счастья жизни. Однако сама работа над рассказом радости автору, видимо, не принесла. Единственная запись в дневнике: «Писал Алешу. Совсем плохо. Бросил»⁶.

Вместе с тем Толстой, как он заявлял, не перестает «обличать, кричать, умолять». Поэтому пишет повесть «За что?» о судьбе деятелей польского восстания, которые только и «хотели быть тем, чем родились, – поляками», но попали под власть людей, доведенных до

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М., 1928–1958. – Т. 37. – С. 291.

² Там же. – Т. 56. – С. 167.

³ Неизвестный Толстой. – С. 162.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – Т. 53. – С. 197.

⁵ Айхенвальд Ю. Лев Толстой // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – М., 1994. – С. 218.

⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – Т.55. – С. 125.

«развращения и одурения»¹. Развращенные – те же убийцы, что «не видели в убийстве ничего страшного» («Фальшивый купон»)². Все они – жертвы «привычки» к насилию, порожденной «суеверием» насилия, на котором держится всякая власть. Жертвами «привычки» и «суеверия» оказываются, по Толстому, и те, кто уверен, что с помощью насилия возможно перестроить, улучшить жизнь. В рассказе «Божеское и человеческое» это – народники-террористы. Нарушив «божий закон» любви, который несмотря ни на что исповедует страдающий от насилия старик-раскольник, они погибают.

«Насилия», как и «усилия», воздействуя на человека, меняют его облик. Они ведут к озлоблению или, напротив, в «мир здравого смысла»³. Злоба – следствие любого подавления личности. Она заразительна («Фальшивый купон»), «разъедает сердце» и насильника, и его жертвы («Божеское и человеческое»), разрушает самые тесные человеческие связи («Корней Васильев», «Что я видел во сне»). «Здравый смысл», который достигается «усилиями», открывает для человека путь к пониманию смысла жизни. Он отрицает любые суеверия и не замечает «божью правду» и веру, а утверждает их. В душе героя одного из вариантов незаконченного произведения «Нет в мире виноватых» – Егора Кузьмича – «совершился изменивший все его отношение к окружающему переворот». Он услышал то, «что говорит разум»⁴.

В книге «Путь жизни» Толстой будет настаивать на «разумном начале в человеке»: все, что мы знаем, мы знаем через разум», «разум открывает человеку смысл и значение его жизни», «разум не может ничего уничтожить, не заменяя его истиной. Таково его свойство»⁵.

С точки зрения разума и истины Толстой решает проблему вины и ответственности, возмездия и наказания, искупления и пробуждения совести. Исходным качеством разумных людей оказывается совесть: «Совесть есть сознание божественного начала, живущего в нас», «Всякий человек, сделавший дурное, уже наказан тем, что лишен спокойствия и мучается совестью»⁶. Совесть проявляется в чувстве вины, она же ведет к искуплению. Толстовское «нет в мире

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1964. – Т.14. – С. 261, 274.

² Там же. – С. 174.

³ Там же. – С. 481.

⁴ Там же. – С. 482.

⁵ Толстой Л.Н. Путь жизни. – С. 350–354.

⁶ Толстой Л.Н. Круг чтения. – Т. 2. – С. 120–121.

виноватых», давшее название одному из его произведений, – не догмат всеобщей невинности, а напоминание об ответственности каждого за свои поступки. Отсюда требование – «оставить того, кто согрешил, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться, оставить других в покое, а только самим жить доброй жизнью»¹.

В развитии мыслей о вине и покаянии появляется рассказ «Корней Васильев» об озлобленных, много лет ненавидящих друг друга супругах, которые вдруг посмотрели друг на друга с «умилением, восторженным чувством смирения»² и жаждой прощения. В рассказе «Что я видел во сне» раскрывается мучительный путь осознания отцом вины перед дочерью «за свою гордость, холодность, даже злобу к ней», вины, которая «открыла ему самого себя»³. В «Фальшивом купоне» один из центральных персонажей, Степан Пелагеюшкин, убийца и каторжник, раскаявшись, заново пережив прошлое, вникнув в «общий смысл всего учения о том, что люди – братья и им надо любить и жалеть друг друга», становится «другим человеком»⁴. Толстой напишет и незатейливую историю из детской жизни о вине и покаянии «Нечаянно».

Действительно, прав был Розанов, увидев в Толстом учителя, о веренице «бесконечных вопросов думающего». Но учит ли Толстой или поучает? Что значат для него поиски «новых форм писания»? О них он упоминал не однажды. При работе над «Фальшивым купоном» записал в дневнике: «Выясняется новая форма»⁵.

Толстой 1900-х годов впервые обращается к созданию «учительной» прозы. При написании «народных рассказов» 1880-х годов его также заботила форма – прежде всего как стиль, манера, слог и тон общения с читателями. От чистой дидактики, открытой тенденциозности писателя всегда удерживала неприязнь ко всякого рода «внушениям», вера в «заражение»⁶, когда читателю делается доступна сама «душа автора», жаждущего сказать «нужное людям». Вместе с тем несомненно, что читатель малой прозы виделся Толстому иным, чем ранее, в период «народных рассказов». Возможностей отзыва, отклика на авторское слово стало больше. Читатель в

¹ Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1965. – С. 194.

² Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1964. – Т. 14. – С. 233.

³ Там же. – С. 325.

⁴ Там же. – С. 193.

⁵ Там же. – М., 1965. – Т. 20. – С. 178.

⁶ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1964. – Т. 14. – С. 104.

силах постичь само движение «одухотворенной» мысли, поэтому с ним не следует говорить исключительно и непосредственно от «лица истины», игнорируя рассуждения, разъяснения, способы убеждения. На этом основано достаточно сложное, сравнительно с «народными рассказами», построение рассказов поздней поры.

Были у Толстого и опасения, касающиеся любого читателя. Они сказались, например, в толковании смысла рассказа Чехова «Душечка». Свое «Послесловие» к нему Толстой поместил в «Круг чтения». Писатель прочел произведение по-своему, сказав, что Чехов намеревался героиню «проклясть», а напротив – «благословил», «хотел свалить Душечку <...> и вознес ее»¹. Не будем касаться сути расхождения читательского восприятия и авторского замысла, но, обнаруженное Толстым, оно уже само по себе не могло не обеспокоить создателя «учительной» литературы с ее идейной заданностью, четкой направленностью.

Соединив в своем мнении Пушкина и Чехова как писателей, которые «двинули вперед форму»², Толстой приступает к малой прозе с желанием осуществить принцип сжатости, повышения емкости текста, с намерением следовать чувству «меры». В этом он верен собственной традиции, идущей от «народных рассказов». Требование меры затронуло по большей части моралистическую сторону произведений. В общем строении текста роль «должного» серьезно уступает «сущему» – изображению реально существующего. Можно говорить и о преобладании практической морали, раскрываемой в сюжетах повседневной жизни, обыденных ситуаций.

Способы и приемы изображения в малой прозе характерны для творчества позднего Толстого в целом, но изменены в расчете на поучительность, назидательность. Так, картины социального быта рисуются в полярных противоположностях с отчетливым выявлением этической нормы и отклонения от нее («Нечаянно», «Ягоды» и др.), наблюдения над процессом освобождения «внутреннего» человека от власти «внешнего» сосредоточены, в первую очередь, на раскрытии «пути мысли» («Божеское и человеческое», «Что я видел во сне» и др.). Но в «Молитве» писатель избежал особой нарочитости и вернул в описание смерти мальчика и горя его матери ряд элементов свойственного ему психологического письма.

¹ Толстой Л.Н. Круг чтения. – Т.2. – С. 300.

² Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1965. – Т. 20. – С. 174.

В поучительной литературе привычно искать жанровые образования типа «притчи». У Толстого классические признаки этого жанра можно видеть лишь в «Пути жизни», в иллюстративных сюжетных отрывках на евангельские темы, при нравственных сентенциях («О ложной вере», «О внешнем богопочитании», «Только любовь дает истинное благо», «Вред праздности» и т.д.). В малой прозе определение «притча» приложимо разве только к рассказам «Алеша Горшок» и «Корней Васильев». Да и они, по существу, содержат лишь «притчевые ходы». Как правило, в произведениях нет отделения морали от наглядного образа, а поучающего обобщения – от описания и развитого сюжета. Есть, правда, если воспользоваться словами Гегеля, «субъективность намеренного сравнения»¹.

«Сравнение», однако, лишено аллегорического начала, обязательного для притчи. Толстой всегда избегал условности, абстрактности. Но подчас сравнение получает, подобно притче, близкое к символическому наполнение. Скажем, в рассказе «Ягоды» само название – некий знак крестьянского быта, отличного от мира «людей-господ» (как их воспринимают крестьянские дети), отъединенных от всего естественно-го, природного, связанного с живой жизнью. Пристрастие господ – разговоры: «они всё курили и разговаривали, разговаривали и курили»².

В одном из сегодняшних исследований творчества Толстого конца XIX в. говорится о склонности писателя к «притчеобразному» видению мира и мышлению³. По-видимому, эта склонность определила характер и последних по времени произведений Толстого, своеобразие их сюжетов, жанров. «Притчеобразность» неоспорима (хотя причисление всей малой прозы к «притче» сомнительно).

Толстой творчески переосмыслил дидактизм: не исключая поучающей заданности, уходил от абстрактной назидательности; не отказываясь от традиции проповедничества, преследовал воспитательные цели, учил, хотя и по-своему, но всегда – тому, что важно для всякого человека и самой жизни.

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. – М., 1938. – Т. 12. – С. 399.

² Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1964. – Т. 14. – С. 241.

³ Николаева Е.В. Художественный мир Толстого: 1880–1900-е годы. – М., 2000. – С. 214.